

СИЛЬВА КАПУТИКЯН В СВЯЗЯХ С РУССКИМИ ПОЭТАМИ (По составу библиотеки и материалам архива)

НАТАЛИЯ ХАНДЖЯН

Имя поэтессы, писательницы Сильвы Капутикян (1919 - 2006) – одно из самых крупных, самых ярких в армянской литературе, культуре, общественной жизни второй половины XX века. Ярким wpisалось оно и в большую, общую литературу советских десятилетий, особенно же ее полная энергии чувств, глубокая в размышлениях, предельно искренняя лирика, во множестве переводов зазвучавшая для самого широкого читателя, покорившая в частности читателя русского. Связь с русским читателем много значила для С.Капутикян на всем протяжении ее творческого пути, как и очень много значило с ранних пор завязавшееся постоянное – в разных формах проявлявшееся – общение с русской поэзией, с ее классиками и современниками.

Архив С.Капутикян, хранящийся в ее квартире, получившей статус музея при министерстве культуры Армении*, изобилует письмами от российских читателей и издательств. Заметим, что только в московских издательствах («Художественная литература», «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Детгиз», «Правда» и др.) произведения ее с 1947-го по 2005 год издавались более тридцати раз, и это немалыми тиражами тех лет расходилось по всей стране, читалось, приносило отклики.

Лирику армянской поэтессы отзывчиво переводили такие русские поэты и переводчики поэзии, как Леонид Мартынов и Михаил Светлов, Маргарита Алигер и Инна Лиснянская, Вера Звягинцева и Мария Петровых, Вероника Тушнова, Юлия Друнина, Борис Слуцкий, Булат Окуджава, Белла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Юнна Мориц, Владимир Корнилов, Елена Николаевская и др.

Более ста переводов из русской поэзии принадлежит и самой С.Капутикян. Среди них и переводы из классики – 22 стихотворения Пушкина и 6 стихотворений Цветаевой, и немалая ответная дань внимания к стихам переводивших ее современниц, а также глава «Боец и смерть» из

* За содействие в поиске и сборе материала для настоящей работы автор выражает свою благодарность дому-музею С. Капутикян и ососбо – его научному сотруднику Сейрану Гегамян.

поэмы «Василий Теркин» Твардовского, отдельные стихи Симонова («Жди меня...», «Ты помнишь, Алеша...») и Суркова («Вьется в тесной печурке...»), Щипачева, Кирсанова, Орлова, Берггольц, Дудина, Винокурова, Евтушенко.

И еще одно, наконец: более четырех десятков рецензий и статей, начиная с 1952-го года, посвятила как отдельным книгам Капутикян (не только поэтессы, но и писательницы), так и характеристике, толкованию, оценке ее творчества в целом русская литературная критика¹.

Как видим, «русские» связи Сильвы Капутикян настолько богаты, настолько разнообразным материалом наполнены, что изучение, освещение их возможно с различных точек зрения: поэзия С.К. и русский читатель; поэзия С.К. в переводах на русский; страницы русской поэзии в переводах С.К.; творчество С.К. в откликах и оценке русской литературной критики.

Наша задача осветить здесь некоторые из этих связей в рамках, которые обозначены подзаголовком статьи.

Об уровне общения с русской литературой и, в частности, с поэзией, о тесных, дружеских и творческих, контактах С.Капутикян с русскими поэтами – ее современниками возможно получить определенное представление, ознакомившись с составом личной ее библиотеки. Более чем треть этой библиотеки – книги на русском, частично это произведения мировой классики, а преимущественно – можно сказать, львиная доля – это русская литература XIX-XX веков, сотни единиц, свидетельствующих как о круге чтения поэтессы, так и о круге ее творческих интересов, выборов, притяжений в русской поэзии, живых, непосредственных контактов с ее представителями в новых поколениях.

На полках и классика русской прозы (от Федора Достоевского до Федора Абрамова, от Чехова и Бунина до Шукшина и Казакова), и конечно же, классика русской поэзии – от Пушкина до Твардовского, от Лермонтова и Тютчева до Ахмадулиной, Евтушенко, Бродского. Примечательно, что здесь находим вышедшие в 1960-е годы – первые в большой серии «Библиотеки поэта» – синие тома Пастернака, Цветаевой, Ахматовой.

В составе библиотеки особо следует выделить многочисленность (до семи десятков) отдельных сборников стихотворений крупных, хорошо известных и малоизвестных поэтов советского периода. Здесь книги А.Твардовского и А.Межирова, К.Симонова и В.Тушновой, Ст.Щипачева и Л.Ошанина, С.Орлова, В.Луговского, Е.Винокурова, В.Солоухина, Ю.Друниной, М.Дудина, И.Фонякова, В.Корнилова, Н.Панченко и др.; здесь несколько книжек шестидесятников (Окуджава, Евтушенко, Ахмадулина, Вознесенский, Мориц), около двадцати единиц – сборники

¹ См. сб. «Армянская литература в русской советской критике. Библиография. Статьи». Составление и предисловие Н.А.Гончар-Ханджян. Ер., изд. ЕГУ, 1989, с.45-47, 294-315.

стихотворений В.Звягинцевой (4), М.Петровых (4), Е.Николаевской (4), И.Снеговой (4), И.Лиснянской (2) – поэтесс, с которыми в течение лет С.Капутикян была неизменно связана творческой и человеческой дружбой. Многие из книг этого ряда с дарственными надписями. Познакомим с несколькими такими надписями, красноречиво говорящими о том, каким признанием, дружественностью, любовью пользовалась С.Капутикян в среде русских поэтов своего времени. Надписи приведем, придерживаясь хронологии, указывая в скобках книги, в которых они сделаны.

«Дорогой Сильве с нежностью и завистью к ее таланту и красоте. *Евг.Евтушенко*». (Яблоко. Новая книга стихов. М., 1960).

«Красивой Сильве – мимолетной как видение на дне ликерной чашечки – с лучшими чувствами. *Андрей Вознесенский*». (Мозаика. Стихи и поэмы. 1959-1960. – Владимирское книжное издательство).

«Дорогой Сильве – блестящему вдохновенному поэту – от души. *В.Звягинцева*». (Вечерний день. Стихи. М., 1963).

«Блестящей Сильве – скромная книга верного друга ее народа. Будьте счастливы, дорогая Сильва. *Вера Звягинцева*». (Моя Армения. Ер., Армгосиздат, 1964).

«Божественной Сильве Капутикян – в память о встречах в Сибири и на берегах Черноморья. *Илья Фояков*». (Ткань. Стихотворения. Л., 1979).

«Дорогой Сильве в горькие эти дни и все-таки с надеждой, что вы победите. Ваш Володя. С любовью. 25.11.1988». (Владимир Корнилов. Надежда. Книга стихов. М., 1988).

«Милой и мужественной Сильве – в память о юности и, главное, с надеждой на лучшие времена. Твоя Юлия. 27/ХІІ-88». (Юлия Друнина. Стихи и поэмы. М., 1988).

Заметим дату, проставленную в этой и предыдущей надписи – обвальное для всей страны время, для армян время особенно «горьких», мучительно переживаемых событий (погромы в Сумгаите, разрушительное Спитакское землетрясение, блокада), отсюда и те слова, выражения, которыми сопереживающие русские друзья поддерживают любимую армянскую поэтессу.

«Милой моей Сильве, подруге всей моей жизни, с непреходящей, непрерывной любовью – будь здорова и благополучна, пусть все будет хорошо у всех, кого ты любишь. Твоя Лена». (Елена Николаевская. Семь погод. Книга стихов. М., 1990).

«Дорогой Сильве с давним восхищением. Булат. 24.3. 94. Переделкино». (Булат Окуджава. Милости судьбы. М., 1993).

«Сильве Капутикян от друга Булата, с нашей – с ним! – давней любовью» (Николай Панченко. Горячий след. Новая книга стихотворений. М., 1994).

В библиотеке Капутикян есть две – сегодня, можно сказать, раритетные – книги, на которые нельзя не обратить особое внимание. Обе они были изданы в Ереване в 1980-ые годы. Обе дают нам возможность услышать, узнать от самой Капутикян о том, что и как связывало ее и в жизни, и в творчестве с Верой Клавдиевной Звягинцевой и Марией Сергеевной Петровых.

«Душа открытая людям» – так называется первая из этих книг (1981), она о В.Звягинцевой. Ее составитель Е.К.Дейч в небольшом своем слове пишет: «Авторы материалов, вошедших в книгу (их больше двадцати, в том числе шесть армянских – Н.Х.), делятся воспоминаниями о встречах с В.К.Звягинцевой, рассказывают о ее жизни и творчестве, в совокупности воссоздают живой облик поэта и человека, выявляют вклад В.Звягинцевой в благородное дело русско-армянских литературных связей и взаимовлияний». На страницах 147-153 этой книги делится воспоминаниями и Капутикян, рассказывает о своих встречах, первая из которых произошла в 1939 году, говорит о том, как полюбила русская поэтесса Армению, ее землю, ее людей, ее песни и поэзию, как переводила ее поэтов и как дружила с ними. Вот как вспоминает Капутикян о второй встрече: сразу после окончания войны в Ереван для организации переводов приехали русские поэты из Москвы, в их числе Звягинцева и Петровых. «Я часто бывала у них. И как-то решила пригласить их к себе... Наш старенький глинобитный дом, в котором после бегства из Вана поселились мои родители, впервые должен был принимать таких гостей /.../ Все, что было в наших «ванских» запасниках, вытащили на свет божий /.../ это наше «послевоенное» угощение оставило большое впечатление. В дальнейшем часто приходилось принимать Веру Звягинцеву и других гостей в нашей новой квартире. Но как бы ни был роскошен стол, Вера Клавдиевна с присутствием ей веселым изумлением восклицала: «Ой, товарищи! Ничто не сравнится с Сильвиным угощением в их старом доме. Мы ели и ели целых шесть часов подряд! Не только за прошедшую войну, но и в счет всех будущих поели...». И в моей памяти ярче других запечатлелась эта встреча в нашем старом доме. И более всего тем, что с того дня я крепче сдружилась с этими двумя прекрасными русскими женщинами, которые, войдя в мой дом, словно вошли и в мои грядущие дни, положив начало новому и яркому периоду в моей жизни уже за пределами республики, на необъятных просторах страны».

С конца сороковых для Капутикян стал родным дом Звягинцевой в Москве, и не только для нее, но и для других армянских поэтов, которых Звягинцева переводила. «У Звягинцевой мы чувствовали себя, как дома: давно стерлись национальные, возрастные и бытовые условности. Две маленькие комнатки, забитые книжными шкафами, с армянской литературой и сувенирами из Армении, глядящими на нас со стенных полок, с

портретами Звягинцевой кисти Мартироса Сарьяна стали для нас родным домом, местом наших сходов. Веру Клавдиевну любили и уважали все поколения армянских писателей, начиная с Аветика Исаакяна /.../ Обычно на наших встречах бывали и поэтессы Ирина Снегова и Елена Николаевская, которые учились в институте имени Горького у Веры Клавдиевны, и наставница вместе с мастерством перевода передала им и любовь к Армении и ее поэзии».

Знакомясь с изданной в Ереване в 1984 году книгой под названием «Сто семь цветов радуги», представившей избранные переводы Капутикян из классиков и современников, мы находим в ней шесть переводов из лирики Звягинцевой, причем четыре – из «армянских» ее стихотворений: «В Армении», «Когда напев армянской “Розы”...», «Армянская песня», «В гостях у Мартироса Сарьяна». «Звягинцева была очарована армянскими песнями, – пишет в своих воспоминаниях Капутикян, – /.../ эта очарованность и вдохновила ее создать несколько стихотворений, одно из которых я очень люблю и перевела с любовью». Далее она приводит строфы стихотворения, приведем их здесь и мы – в оригинале и в переводе, – дабы владеющие обоими языками могли оценить, насколько «с любовью» стихи написаны и насколько отзывчиво, верно, «с любовью» переданы на армянском.

*Скрестите мне руки, закройте веки, –
Я все-таки оживу:*

*Пройду по горам, все моря и реки
Без страха переплыву!*

.....

*Я буду армянские песни слушать,
Встречать на Зангу зарю
И на волоске висящую душу
Сухой земле подарю.*

Իսաչեք իմ ձեռքերը, իմ կոպերը փակեք,
Մինն՝ լյն է, ես չեմ մահանա.
Կյանք կառնեմ նորից, կանցնեմ ծով ու եզերք,
Օվկիաններ կլողամ ես անահ,

.....

Կլսեմ ես միայն հայոց երգը կամաց,
Կնայեմ Զանգվի խենթ ջրերին.
Եվ կյանքս, որ արդեն մի մազի՛ց է կախված,
Ես կտամ խստաշունչ այս հողին...

Вот еще одна книга – первый том (вобравший стихотворения) двухтомника избранных произведений Капутикян, вышедшего в Москве в издательстве «Художественная литература» в 1989 году, здесь мы находим 32 стихотворения в переводе Звягинцевой. В воспоминаниях Капутикян об этих переводах читаем: «Недавно вновь привелось прочитать переводы Веры Звягинцевой; в Москве издавался сборник моих стихотворений, и мне прислали гранки для авторского визирования. Разные были стихи, разные были и переводчики. Прочитала, и что же: большинство из лучших переводов принадлежало перу Звягинцевой /.../ сколько души и тепла вкладывала в свою работу Вера Клавдиевна. А какое проникновение в тему, форму, образы оригинала, какое стремление приближения к нему!». Еще одна, касающаяся переводов, деталь: «Дружба с Марией Петровых вдохновила меня на стихотворение «Русскому другу». Когда я показала подстрочник Звягинцевой, чувствовала себя неловко, что стихотворение адресовано не ей, но Вера Клавдиевна не только не обиделась, но и блестяще перевела стихи. Она прекрасно знала обоих «лирических героев» стихотворения: свою подругу – Марию Петровых и своего друга – армянский народ...».

Обратимся теперь ко второй выделенной нами выше раритетной книге: Мария Петровых. Черта горизонта. Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых. // Сост. Н.Глен, А Головачева, Е.Дейч, Л.Мкртчян. Ер., 1986. На обложке – портрет М.Петровых кисти М.Сарьяна. В аннотации говорится: «Страстная, поистине исповедальная искренность, трепетное внутреннее напряжение и вместе с тем предельно четкая, отточенная стиховая огранка отличают лирику русской советской поэтессы Марии Петровых (1908-1979). Высоким мастерством отмечены ее переводы. Круг переведенных ею авторов чрезвычайно широк. Особые крепкие узы связывали Марию Петровых с Арменией, с армянскими поэтами. Она – первый лауреат премии имени Егише Чаренца, заслуженный деятель культуры Армянской ССР...».

Как известно, Петровых долгие годы писала стихи свои «в стол», лишь однажды, в 1968 году, по горячей инициативе и усилиями Левона Мкртчяна, в Ереване пробился в свет небольшой сборничек Петровых («Дальнее дерево»), широкий же читатель узнал ее как замечательного поэта уже по многим посмертным изданиям ее лирики. Первым таким изданием стал сборник «Предназначение», Москва, 1983 (этот сборник, как и другой – «Стихи», М., 1995, есть в библиотеке Капутикян – Н.Х.), вторым – «Черта горизонта» с ее разделом «Стихи», занявшим сто сорок страниц. По разделу «Переводы из армянской поэзии» мы видим здесь, в сравнении с представленностью других поэтов, явно превосходящее число переводов из лирики Капутикян – представлено 15 (общее же число переводов Петровых в первом томе вышеупомянутого московского издания – 38). Особенность «Черты горизонта», в сравнении со всеми

последующими изданиями, представляющими Марию Петровых, состоит в том, что добрая половина страниц этой книги (200) отведена воспоминаниям о ней. Среди семнадцати авторов этого раздела Арсений Тарковский и Давид Самойлов, Владимир Адмони, Яков Хелемский, Лев Озеров, Елена Николаевская, Евдокия Ольшанская, Юлия Нейман, Левон Мкртчян и Маро Маркарян и другие близко с ней общавшиеся. Один другого сменяя, а вернее, один другого подхватывая, авторы эти создают «коллективный» портрет прекрасного поэта и блестящего переводчика поэзии, человека, всех, кто его знал, восхищавшего своей душевной и поэтической одаренностью и отзывчивостью, полнотой самоотдачи, неизменной естественностью и предельной честностью в своих чувствах, помыслах и поступках.

В создании этого «коллективного» портрета участвует со своим словом и Сильва Капутикян («Наша дорогая сестра», «Отрывок из интервью “Литературной газете”, 7 ноября 1981 г.», с.391-395).

«Я была из тех, кто близко знал ее, – пишет Капутикян, – более того, я тридцать лет была ее другом, ее подругой. Встречая ее, я забывала, что говорю не на родном языке. С ее потерей в Москве закрылась дверь, которая распахивалась на мой истосковавшийся звонок, закрылось ее окно, излучавшее свет и сияние на моем пути. Нет больше отзывчивой, понимающей души, поддерживавшей меня в трудную минуту ...».

Сильвой Капутикян-поэтом, по-родному знающим и чувствующим Марию Петровых – и человека, и поэта, очень особенно, очень по-своему замечено:

«Каждого человека можно сравнить с каким-либо литературным жанром. Есть человек-роман, может быть человек-драма или трагедия, есть человек-поэма или же эпос. Мария Петровых была стихотворением, трепетным – каждый нерв как струна натянут, – тревожным, но крепким, дышащим цельностью классическим стихотворением. Как ни трепали ее хрупкое существо жизненные перипетии, они не смогли сломить ее цельности, не исказили ее благородной структуры».

«Для нас было честью, – пишет она далее, – что такой человек раз и навсегда полюбил Армению и как родной связал с нашей страной свою жизнь и свой светлый талант, посвятив себя переводу нашей поэзии, редактированию наших русских изданий. И как же это было справедливо, что последней радостью последних дней жизни для Марии Петровых явилась благодарная оценка армянского народа – премия имени Егише Чаренца, первая в нашей истории премия за перевод».

Сказав «она для меня не только близкий, родной человек, но своеобразный символ», воплощающий «нечто большое и значительное», Капутикян приводит свое, посвященное Петровых и переведенное Звягинцевой, стихотворение «Русскому другу» (1957-1959 гг.). В

стихотворении этом одиннадцать катренов, в которых органично слились патриотически-гражданское и личное. Выделим и приведем здесь строки, наиболее вобравшие второе:

*...Мне попросту хочется снова сегодня
С тобою, сестра моя, поговорить...
.....
Сестрой ты бываешь мне в грусти и горе,
Защитником-братом в опасности час,
Когда ошибаюсь, взволнованно споря,
Меня исправляешь, любя, горячась.*

*Когда обижаюсь на мир, на тебя я,
Прощаешь ты мне охлаждение мое,
Смеешься, когда, чувство меры теряя,
Без удержу славлю я только свое.*

*И пусть друг от друга живем далеко мы, –
Я знаю, что в снежной Москве для меня
Открыты всегда двери доброго дома,
Что есть у тревожного сердца родня.*

*Мне кажется: предки в тоске о свободе
Искали такого тепла и добра,
Когда говорили о русском народе –
Они о тебе говорили, сестра!..*

В интервью «Литературной газете» Капутикян о «сестре» своей говорит так: «В хрупкой, удивительно скромной этой женщине была скрыта огромная сила, металл в характере. Для меня она была как внутренняя совесть, всегда в дни сомнений я обращалась к ней, она одобряла или осуждала, и я знала: она права. Ей первой всегда читала новые стихи. Когда беседовала с ней, то забывала, по-русски я говорю или по-армянски. Это был особый язык – язык души. Ныне, после долгого-долгого перерыва, заполненного работой над прозаическими книгами, вновь родились стихотворные строки /.../ Впервые есть стихи и... нет Марии. Вот подстрочный перевод четверостишия, посвященного ей:

*Сердце мое переполнено, кто в его дверь постучится?
Со своими новыми песнями к кому мне теперь постучаться?
Ах, ты одна умела лить слезы по-армянски,
Чтоб перевели мои слезы, к кому мне теперь постучаться?».*

О таланте и мастерстве Петровых-переводчика говорят в книге «Черта горизонта» многие авторы, как и о ее особой обращенности к Армении, особой посвященности переводу армянских поэтов, в частности – лирики ее «подруг», ее «сестер» Маро Маркарян и Сильвы Капутикян.

«В переводах Марии Петровых, – пишет В.Адмони, – в равной степени оживают в своем русском претворении самые разные и несхожие друг с другом поэты весьма различных народов /.../ Конечно, у Марии Петровых были и свои любимые, наиболее обжитые поэтические пространства – в первую очередь армянская поэзия. Недаром такие крепкие узы связывали Марию Петровых с Арменией. Недаром Армения так высоко оценила переводческий труд Марии Петровых»(с.206).

В связи с ереванской книгой «Дальнее дерево» (1968) Я.Хелемский пишет: «Стихи и переводы в «Дальнем дереве» поистине ветви одного ствола, они питаются одними соками. Петровых /.../ стремится ...сохранить самобытность каждого мастера. И в то же время во всем остается верной себе, отбирает для воспроизведения лишь то, что творчески ей близко /.../ лучше всего в переводах Петровых звучат стихи Маро Маркарян и Сильвы Капутикян. Здесь ощущаешь полное родство /.../ Это – продолжение ее лирики» (с.253).

Вот строки из эссе Е.Николаевской «Гайна»: «Ей свойствен истинный артистизм, дар проникновения в душу, в переживание другого, дар постижения и воспроизведения живого состояния души – перенесения этого состояния души из одного языка в другой, из одного бытия в другое /.../ Все светится изнутри, светится в русских стихах Марии Петровых, постигшей внутреннюю мелодию чужого стиха, угадавшей его интонацию, гармонию, движение... постигшей внутреннюю мелодию» (с.344). Свои слова о Петровых-переводчике Николаевская перемежает фрагментами стихотворений Маркарян и Капутикян с такими ремарками к ним: «слышу взволнованный голос Маро»; «... исполняет иную роль, перевоплотившись в другую свою (нашу) подругу – Сильву Капутикян, точно передавая откровенность, страстность и отважную незащищенность ее строк» (с.345). И наконец: «Да, это их стихи, Маро и Сильвы, это доподлинно так, но это и стихи Марии Петровых, они принадлежат и ей; и прямота, и открытость, и бесстрашие души – ее ...» (с.346).

Завершим приведенный ряд еще и сказанным в этой книге Леоном Мкртчяном: «Близка Марии Петровых лирика Сильвы Капутикян. В своих переводах она оставалась верной ее искреннему, сильному стиху, работа над ним всегда доставляла ей радость.

*Словно убывающий Севан –
Жизнь моя... Бессонно мчатся годы.
Так Зангу несетя сквозь туман
И севанские уносит воды...*

Переводя эти стихи, Петровых, возможно, думала и о своей жизни. Творческая дружба двух поэтов была глубока и плодотворна» (с.388).

Проявлениями, плодами этой глубокой творческой дружбы стали не только проникновенно, бережно, мастерски перенесенные Марией Петровых в русский язык стихи Сильвы Капутикян, но и переводы Капутикян из лирики Петровых, исполненные так же любовно и мастерски. В книге «Сто семь цветов радуги», к которой выше мы обращались, по числу переведенных Капутикян стихотворений главенствуют два поэта – Пушкин (22) и Петровых (23). И выборы Капутикян из стихотворений Петровых – по родству чувств и дум, переживаний, «состояний души», исполнение – как «продолжение ее лирики».

Творческое общение двух этих замечательных поэтесс во взаимных переводах, поэтическая, художественная ценность этих переводов, вложенное в них мастерство, «высокое искусство» (формула Корнея Чуковского) – предмет отдельного разговора, да еще и не одного. Здесь же в качестве образца - и по выбору, и по исполнению – приведем лишь одно стихотворение в оригинале и переводе.

*Пожалейте пропавший ручей
Он иссох, как душа иссыхает.
Не о нем ли средь душевных ночей
Эта ива сухая вздыхает!
Здесь когда-то блеснула вода,
Убегала безвольно, беспечно.
В жаркий полдень пошла стада
И не знала, что жить ей не вечно,
И не знала, что где-то вдали
Неприметно иссякли истоки,
А дожди этим летом не шли,
Только зной распался жестокий.
Не пробиться далекой струе
Из заваленных наглухо скважин ...
Только ива грустит о ручье,
Только мох на камнях еще влажен.*

Դուք ավստու ասեք կորած աղբյուրին,
Նա ցամքեց, ինչպես հոգին է ցամքում,
Նրա համար չէ՞ այս չորուկ ուռին
Օրեր, գիշերներ ցավով մորմոքում:

Կարկաչ ու ջուր կար այս նույն տեղերում,
Վազում էր, կանչում անփույթ ու բարի,
Այրող կեսօրին նախիր էր ջրում,
Չգիտեր՝ մի օր ինքը կսպառվի:

Չգիտեր, որ խուլ մի ինչ-որ հեռվում
Իր ակունքները հատնում են անտես,
Որ անձրև չեղա՛վ անցած այդ տարում,
Եվ որ ամառը շա՛տ էր տոթակեզ:

Ա՛խ, խորունկ շիրթ չի ճեղքի երբեք
Քարակույտերը՝ աղբյուրը խեղդած:
Միայն ուռին է՝ հուշից վշտաբեկ,
Միայն ափերին մամո՛ւն է դեռ թաց:

В библиотеке Капутикян не может не привлечь внимание книга, пожалуй, уникальная с интересующей нас точки зрения. Книга на двух языках, русском и армянском, издана в Ереване в 1988 году: **Михаил Матусовский**. Строки из горячего тона. В переводах на армянский язык **Сильвы Капутикян**. // **Միխայիլ Մատուսովսկի**, Տղեր թեժ թոնրից: Բանաստեղծություններ Միլվա Կապուտիկյանի թարգմանությամբ.

Открывается книга вступительной статьей («Волнующий диалог») Ваагна Давтяна – одного из той же яркой плеяды армянских поэтов, к которой принадлежала Капутикян. «Диалог этот завязался сначала между Михаилом Матусовским и Сильвой Капутикян, – пишет Ваагн Давтян. – Видный русский поэт, автор таких известных песен, как «Подмосковные вечера», «С чего начинается Родина», «На безымянной высоте», многих проникновенных, ясных, глубоких и чистых стихов, после долгих лет вновь приехал в Армению. Побывал в ее древних и новых городах и селах, поднялся на ее горы, спустился в бездны, стоял у ее полуразрушенных, но величественных памятников, беседовал с ее людьми, слушал армянские песни, – и в русской печати стали появляться его стихи, посвященные Армении. Переводами этих стихов и вступила в диалог с русским поэтом Сильва Капутикян. Что делает подобный диалог поистине творческим и плодотворным? Когда он становится фактом литературы? Думаю, лишь в том случае, когда стороны роднит духовная близость, созвучие мысли, общность душевных устремлений, цели и смысла их творческих поисков. Цикл стихов об Армении Михаила Матусовского оказался удивительно созвучен творческим исканиям Сильвы Капутикян, особенно последних лет, – и появились переводы не просто близкие оригиналу, а по сути – его двойники».

В книге – 32 стихотворения Матусовского и столько же «двойников» их, вышедших из-под пера Капутикян. Стихи, за редким исключением, озаглавлены, и уже по заглавиям встает панорама Армении с ее землей, историей, культурой, людьми, традициями, обычаями – «Золотой закон хачкаров», «Тридцать шесть знаков» («...*Предо мной, как открытье мира, золотой алфавит Маштоца*»), «Памятник на горе Циернакаберд», «Гобелен Григора Ханджяна», «Минас», «Арагат в тумане», «Свадьба в Гарни», «Лаваш», «Варили арису», «Старики в Гоше», «Горная дорога», «Вардавар», «Хазы» и другие, другие, а в завершение – тридцать вторым – «Прощание с Арагатом». И как сказано Ваагном Давтяном о многих стихах Матусовского, можно сказать и о стихах «армянского» его цикла – они «проникновенные, ясные, глубокие, чистые», такими же оживают для армянского читателя в переводах Капутикян. Для наших читателей один пример из этих «двойников»:

АРКА ЧАРЕНЦА

Камни и травы успели с утра
Жарко прогреться,
И возникает вдали Арагат
В арке Чаренца.

Он предстает в ледяном серебре
Полон отваги,
Вдруг о другой нам напомнив горе,-
О Муса-даге.

Этот почти что святающийся лед
Раннего часа,
Кажется, будто бы только и ждет
Кисти Минаса.

Над заурядностью нашей земной
Встал он надмирно
Всей недоступностью, всей белизной
Чистого фирна.

Так он с сияньем на снежном челе
Высится вечно...
Есть же хоть что-то на этой земле,
Что безупречно!

Мир этот утренний кажется мне
Миром младенца.
Весь он сейчас уместился вполне
В арке Чаренца.

Չարենցի կամարը

Անմահ Չարենցի անվամբ է կերտած
Այս վեհ կամարը:
Ասես Արարատ լեռանն է բացված,
Լեռան համար է:

Ու երևում է այդ կուռ կամարից
Որ միայն սարը,
Այլ անցած-դարձած դարերը հայի,
Հայոց աշխա թիր:

Կանգնել է արծաթ գրահը հագին
Սար-դյուցազունը,
Մեզ սպասում է Մինասի վրձնին,
Դեռ սպասում է:

Հողեղեն երկրում՝ երկնի՛ց է ասես,
Որ արարվել է,
Իր անհասությամբ՝ երազ է անեղծ,
Աշխարհից վեր է:

Ասես արձան է՝ ձոնված մաքրության
Լյառն Արարատը.
Պե՛տք է աշխարհում լինի ինչ-որ բան,
Որ անարա՛տ է:

Այստեղ ամեն օր լույսը մայր մտնում
Նորից ծնվում է.
Այստեղ Արարատ անվանն է զոդվում
Չարենց անունը:

В начале статьи среди русских поэтов, дружески и творчески связанных с Сильвой Капутикян, мы уже называли Инну Лиснянскую. Если в упоминавшемся нами ранее, в связи с переводами Звягинцевой и Петровых, первом томе русского двухтомника можно найти ряд переводов Лиснянской из «интимной» лирики Капутикян, то гораздо ярче проявляется связь двух поэтесс, приобретает глубинный характер, сказывается общностью переживаний, духовного состояния и душевной боли в обрушившие строй жизни, жестокие девяностые годы.

В библиотеке Капутикян находим два представительных сборника стихотворений Инны Лиснянской, свидетельствующих об особенном сближении поэтесс в эти годы: один из них – «Стихотворения» (М., 1991), другой – «Из первых уст» (М., 1996). Оба с дарственными надписями; в первом:

«Сильве Капутикян с любовью к ней, к ее (и моей) Родине, к ее стихам. Любящая и скорбящая по Армении твоя /подпись/ 20.3.1993»;

во втором: *«Сильве Капутикян с давней любовью к ней и ее поэзии от полуармянки /подпись/ 10.6.1999 ».*

Здесь стоит вспомнить, с какой формулировкой в 1999 году Инне Лиснянской была присуждена Солженицынская премия: «за прозрачную глубину стихотворного русского слова и многолетне явленную в нем поэзию сострадания». Из этой формулировки выносит Г.Кубатьян заглавие своей статьи, посвященной творчеству Лиснянской и, в частности, «армянским» ее стихам ².

В подаренных и прочитанных ею книгах Лиснянской многие стихотворения близки, созвучны волнениям, переживаниям армянской поэтессы, в них сострадание ее тревогам и «боли», и несколько таких стихотворений она начинает переводить на армянский. В архиве Капутикян есть папка с надписью «Инна Лиснянская», в этой папке десятки листов – рукописных (черновых и белых) и в русской машинописи некоторые из выбранных для перевода стихов («Девяностые годы. Ноябрь...», «Авель», «Баку», «Все связано/И потому на всех лежит одна вина...»). По множеству черновых набросков отдельных строк, отрывков можно видеть, как подвигалась работа над переводом, как шла Капутикян к созданию в своем языке, стихе «двойников» оригинала. В белой рукописи здесь три стихотворения – «Девяностые годы...», «Баку» и «Авель», их Капутикян опубликовала в газете «Гракан терт» (Литературная газета), в номере от 13 сентября 2002 года (с.8). На одной из черновых страниц такая запись: «Горячо поздравляя талантливую Инну Лиснянскую с днем рождения преподнесу ей три ее стихотворения

² См.: **Кубатьян Георгий**. Поэзия сострадания: О творчестве Инны Лиснянской. «Вестник Ереванского университета. Русская филология», 2015, № 3, с.13-27.

переведенные мною на язык ее предков», дата – 24/VI-91г., Переделкино». Ниже – перевод стих. «Девяностые годы...». Переводы нескольких стихотворений – среди них есть незавершенные, но и три вполне завершенных («Все связано...», «Земля дымится, небо плачет...», «Молись, золотое сердце...») остаются неопубликованными. В этой же папке на двух страницах листа черновой перевод известного стихотворения Семена Липкина «Годовщина армянского горя». Все это материалы, заслуживающие специального внимания со стороны изучающих творческое наследие Сильвы Капутикян. Мы же ограничимся здесь одним примером, приведем стихотворение Лиснянской «Баку» и представим перевод Капутикян копией рукописи (см. с. 23).

*Он так был мной любим,
От гор до парашета,
Над Каспием седым,
Под синью минарета.*

*Теперь лишь дальний гром
Напоминает грохот
На берегу, где ртом
Открытым дышит город.*

*Теперь там, Боже мой,
Теперь там, Боже правый! –
След нефти за кормой,
А на песке – кровавый.*

*Теперь там больше нет
Ни родичей, ни дома, –
А только ржавый след
Армянского погрома.*

*Армянской церкви медь –
Как вырванное небо.
И мне б окаменеть,
Как некогда Ниоба.*

1 мая 1991

Среди неопубликованных материалов архива находим два замечательных с интересующей нас точки зрения. Оба они относятся к

1989 году, это выступления Капутикян в Москве в Колонном зале Дома союзов, в связи со 175-летием Лермонтова и в связи со 100-летием Ахматовой³. Публикацией этих материалов и завершим предпринятую работу.

Слово о Лермонтове представлено в архиве тремя машинописными страницами, завершается фрагментом из стих. «Смерть поэта», отдельным листом приложена рукопись перевода Капутикян – первые двадцать строк стихотворения (копию см. на с. 24).

«Дорогие друзья!

Мне тоже очень хотелось на этом вечере произнести слова благодарности и благоговения о Михаиле Лермонтове, о самом, пожалуй, юном гении всей мировой литературы, который вместе со своими могучими братьями Байроном, Шиллером, Мицкевичем и другими великими зарядил всю биосферу земного шара грозным дыханием священного мятежа во имя людской свободы.

Мне хотелось сказать здесь о тех нитях, что, начиная с 1843 года, – со дня первого перевода лермонтовских стихов на армянский язык и вплоть до сегодняшних времен, протянулись к нашей культуре.

Эти нити – великолепные переводы Ованеса Туманяна, Егише Чаренца, Паруйра Севака, это полотна Ованеса Айвазовского, Вардгеса Суренянца, Мартироса Сарьяна, созданные по мотивам лермонтовских творений.

Это претворенные в звуки вдохновением наших композиторов Спендиарова и Хачатуряна строфы «Трех пальм» и «Маскарада».

Это спектакли того же «Маскарада», шедшие уже более ста лет назад на сценах армянских театров, где в роли Арбенина выступали блестящие наши артисты Петрос Адамян, а затем Ваграм Папазян.

Я хотела обо всем этом рассказать поспокойнее, с радостью и гордостью... Но то, что происходит сейчас у меня на родине, сведения о чем доходят до вас более чем куцо и половинчато, – никак не давало мне возможности по-настоящему сосредоточить свои мысли на Лермонтове. И я решила заново перевести, давно уже переведенное другими, бессмертное стихотворение «Смерть поэта», где все еще трепещет живой нерв народной боли и протеста, и тем самым передать его строкам и свою боль, свое смятение.

В эти горестные дни, когда наш народ порой напоминает чем-то белеющий одинокий парус, бьющийся в бушующих волнах – в поисках своей правды, когда очень трудно сохранить душевное равновесие, чтобы не попасть под власть мятущегося Демона, под власть то испепеляющей душу злобы, то губительной апатии и безысходности, когда нам,

³ Ранее, в 1980 г., С.Капутикян выступала в Москве на праздновании 100-летия со дня рождения А.А.Блока. Часть этого выступления см. в ее кн. «Встречи без расставаний. Очерки, публ.статьи, эссе», Ер., 1987, с.285-287.

советским людям, просто стыдно перед теми, кто с самых разных концов земли приехал к нам, чтобы протянуть руку помощи искалеченной от небывалого бедствия стране, и сейчас с недоумением взирает на замершие возле развалин строительные краны, на вагоны с разбитыми на железных дорогах домиками и на съезжившихся возле них, оставшихся без крова детей, женщин, стариков. В эти трагические дни у нас в Армении, наряду со зловеще-леденящим словом «блокада» обновилось и другое словосочетание – «дорога жизни».

Она проходит не по застывшему Ладожскому озеру, а по благодатной, но, увы, тоже тревожной земле нашей верной сестры Грузии, чей рыцарский дух и открытость души, словно передав и наше чувство признательности, столь щедро воспел Лермонтов.

Он, этот «неведомый миру избранник», как сам он себя называл, этот «странник с русскою душой», который так уважительно и благородно любил Кавказ и его храбрых сынов, – и был вознагражден такой же ответной любовью Кавказа, навеки усыновившего мятежное дитя России.

Да, кроме железной, есть и другая дорога жизни. Ее прокладывают поэты. Через горы и пропасти, разделяющие людей, они, эти неутомимые сапёры духа, роют туннели и возводят мосты, чтобы **была** эта дорога жизни.

И мы верим – победит она, эта дорога, что ведет к храму, победит правда и справедливость, победит «божий суд, недоступный звону злата», победит Гений и Свобода.

Переводя стихотворение Лермонтова, я вкладывала в его строки и эту нашу веру.

*Вы, жадною толпой стоящие у трона,
Свободы, Гения и Славы палачи!
Таитесь вы под сению закона,
Пред вами суд и правда – всё молчи!..
Но есть, есть божий суд, наперсники разврата!
Есть грозный судия: он ждет;
Он не доступен звону злата,
И мысли и дела он знает наперед.
Тогда напрасно вы прибегнете к злословью:
Оно вам не поможет вновь,
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!»*

Свое слово об Анне Ахматовой Капутикян писала на русском языке. В архиве сохранилась ее рабочая рукопись – с переделками, поправками, последняя страница – 8, недостает 7-ой. На последней странице рукописи

в переводе Капутикян на армянский приведенные ею в конце выступления строки из «Реквиема». Окончательный полный текст в машинописи, на пяти страницах, в конце – от руки, на армянском строка: Ու թէ՛ ցիւ երկրսն ի՞նչ օր... («И если когда-нибудь в этой стране...»).

Выступление в Колонном зале в Москве на вечере 100-летия Анны Ахматовой

Анна Ахматова вошла в мою жизнь довольно странным образом.

Было это в 1946-ом году, в Ереване работал II съезд армянских писателей, которого с радостным нетерпением ждали не только местные, но и зарубежные армянские писатели, которые наконец-то получили возможность приехать на обетованную землю Родины. Но вот съезд совпал с знаменитым постановлением ЦК Компартии о литературе и с не менее знаменитым докладом Жданова, и весь съезд прошел под этим печальным знаменем. Какая там обетованная земля?! Началась атака против интимной лирики и больше всего попал под огонь мой первый тоненький сборник. Обвиняли меня в интимной лирике, в упадничестве, в альбомных стихах, написанных под губительным влиянием Анны Ахматовой, ахматовщины. Я не знала, плакать мне или смеяться. Ведь родившись во дворе, где приютились из Западной Армении или, как называлась тогда, Турецкой Армении, беженцы, я плохо знала по-русски и не только не читала, но даже не слышала имени Ахматовой. А разве такие только нелепости можно было слышать на тогдашних наших собраниях?!

Но, видимо, не так уж ошиблись тогдашние мои критики. Ведь великие творцы – великие поэты, писатели, художники, композиторы, – где бы они ни творили, под какими бы небесами ни сверкали их строки, краски, звуки, они, эти творения, влияют на общее развитие человечества, они, как живые вещества, как бы образуют духовную биосферу вокруг земного шара, и человек, где бы он ни жил, вдыхает в себя этот живительный воздух и ему становится немножко легче, светлее, все несуразное, иррациональное, что есть вокруг него, как бы проясняется, становится на свои места.

Анна Ахматова из этих великих.

Русская с ног до головы, в своих самых тонких восприятиях мира и его явлений, она – один из тех значительных островов, из которых образуется архипелаг мировой культуры, мировой поэзии.

Но как тяжело живет и дышит этот остров, эта, превращенная в строку и образ ахматовская память, что, как говорит поэт, по приказу Всевышнего становится «книгой грозных вестей», становится всенародной памятью. Там записано, как корчилась безвинная Русь под кровавыми сапогами и под шинами черных марушь, записано – (как) семнадцать месяцев, а то и семнадцать лет подряд проносился по всему свету крик матерей, жен и

детей по сыну, по мужу, по отцу, томившимся в лагере Свобода; записано, как она, горький всезрячий летописец этих ужасов, вместе со всеми в ногах валялась у кровавой куклы – палача, с трагической гордостью восклицая:

*Нет! и не под чуждым небосводом,
И не под защитой чуждых крыл, –
Я была тогда с моим народом
Там, где мой народ, к несчастью, был.*

Уважаемые друзья,

Конечно, мне, как армянской поэтессе, полагалось поподробнее говорить о связях Ахматовой с армянской жизнью, говорить о том, как еще в 1916 году, когда только появился в свет первый сборник Ахматовой «Вечер», наш замечательный поэт Ваан Терян посылает его своей возлюбленной, прибавляя «Я люблю эту поэтессу, полюби ее и ты. Она достойна быть любимой – нашей с тобою, любимой всех почитающих искусство людей». Полагалось бы рассказать, с каким воодушевлением несравненный Мартирос Сарьян воссоздал на холсте величавый образ женщины, а также (с какой) готовностью и отдачей переводила Ахматова наших поэтов – Ованеса Туманяна, Аветика Исаакяна, Егише Чаренца, Маро Маркарян. А что касается меня, то, к сожалению, я хотя и была с нею знакома, но это знакомство не превратилось в творческое содружество. Восторгаясь ею и ее творчеством, я почему-то себя держала на определенной дистанции. Может быть, здесь сыграло роль известное стихотворение Ахматовой, где она, иронически отозвавшись о многочисленных поэтессах, заключает ...⁴

Я не рисковала в какой-то мере подвергнуть испытанию мое самолюбие. Щепетильность была это или излишняя гордыня, об этом я сейчас очень сожалею. Меня утешает то, что человек, с которым Ахматова крепко дружила и глубоко ценила его поэзию и высокую нравственность, мне была очень близка. Это поэтесса Мария Петровых, хрупкая, маленькая женщина, которая сумела в жестокие времена морального террора остаться крепкой, непоколебимой и через все невзгоды пронесла свою гордую, ничем не запятнанную поэзию, свою душевную чистоту, и поэтому будет уместно, если на таком вечере прозвучало и ее имя, может быть, не такое звонкое, но достойно стоящее рядом с такими именами, как Ахматова, Пастернак, Мандельштам, Заболоцкий.

Дорогие друзья.

Сейчас наша страна переживает такое бурное время, что даже на этом

⁴ Здесь пропуск. Предполагается эпиграмма «Могла ли Биче словно Дант творить/Или Лаура жар любви восславить?/Я научила женщин говорить.../Но, Боже, как их замолчать заставить!». В черновой рукописи в построенной иначе фразе: «... зная ее знаменитое стихотворение «О. как бы их заставить замолчать», я не рисковала».

юбилейном вечере, посвященном столетию, может быть, самой великой певицы женской души, искусной истолковательницы кардиограммы ее вечно тревожного сердца, больше говорилось о гражданском облике Ахматовой, о ее гордых стихах, восставших против своего жестокого времени. Ведь об этом до содрогания резко говорит она сама:

*Не лирою влюбленного
Иду пленять народ.
Трещотка прокаженного
В моей руке поет.
Успеете наахаться
И воя, и кляня.
Я научу шарахаться
Вас, смелых, от меня.
Я не искала прибыли
И славы не ждала.
Я под крылом у гибели
Все тридцать лет жила.*

И сегодня, когда нужно вывести всю страну из-под крыла гибели, когда порою по какой-то жестокой логике, по чисто внешним признакам всю эту антигуманную, антинациональную политику приказно-административной системы приписывают русскому народу, перенесшему немало бед и страданий, особенно важно более страстно, во всеуслышание говорить о тех, которые действительно представляют русский народ, которые были и есть его совестью.

Об этом еще десятилетия назад мудро сказал наш классик Ованес Туманян: «По мне, не тот или иной политик решает ход истории, исторический путь или миссию той или иной нации, Они часто встречаются в политику как отдельные опечатки... Следовательно, повторяю, дурное заявление или поступок того или иного политика не имеют для меня значения. Другое дело заявление самой нации, которое делает она сама устами своих лучших сынов. А лучшие сыны России никогда еще не проявляли себя как жестокосердные».

И вот среди лучших сынов России великая ее дочь – Анна. Это они – настоящий русский народ, а не Ежовы и Ждановы, всегда действующие рука б руку, когда нужно зажимать рот, «которым кричит стомиллионный народ». Это они – настоящие носители русского национального идеала, а не те, у которых разные мандаты или билеты членства Академий наук и которые всегда готовы вновь неистово и разъяренно кричать «распни его!».

Именно в России на лучших сынов уповаем мы и хотим верить в их победу.

Еще в 1910-ом году двадцатилетняя Ахматова в стихотворении «В царском селе», обращаясь к мраморному лику статуи, восклицает:

*Холодный, белый, подожди,
Я тоже мраморную стану!*

Могла бы знать автор этих дерзковато-шаловливых строк, царскосельская веселая грешница и насмешница, что ей предстоит такая грозная жизненная дорога и она напишет такие строки:

*И если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне...*

.....

*То здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов,
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забывать гроыхание черных марушь,
Забывать, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненный зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век,
Как слезы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.*

Как хочется, чтоб с этих неподвижных и бронзовых век наконец струились слезы радости и /у/миротворения.

1989 г. 12/VI Ереван

В дополнение приведем по рукописи сделанный Капутикян перевод этих строк из «Реквиема»:

Թարգմանություն Ախմատովայից
Այնտեղ, ուր որ ես երեք հարյուր ժամ
Կանգնել եմ աչքս բանտի սև դռան,-
Զի վախենում եմ մահվան նինջի մեջ
Հանկարծ մոռանամ մարդկանցը այն խեղճ
Մոռանամ, թե ոնց կառքերն մարդկանցով
Դիրդում էին գիշերում թաքուն
Թե ոնց զարկվելով բանտի խուլ փակին
Ցավից ոռնում էր ծերունի մի կին:

Перевела Капутикян и другое, прочитанное ею в выступлении, стихотворение Ахматовой, а именно – долгое время, как и «Реквием», остававшуюся в неизвестности «Трещотку». Сохранившуюся в архиве беловую рукопись этого перевода даем копией (см. с. 25).

По мере тщательной обработки (а возможно, и пополнения) архива Сильвы Капутикян в нем могут обнаружиться и другие материалы, дополняющие картину, нами здесь обрисованную.

ԻՆՇԱ Ջրայանկայա

Բազում

Այնպեղ անեն ինչ խորիմ էր ինչ
ժեռները, ծովը, ախր ծարարացար:
Աչեհեր կասարն Ներո խոտա, Ներո ջիճ,
Միւսարեհերի կասարցար գուհար:

Դիմա սոսկ շրա հոսուցն է կարծե
Հասնում ախահշի, Դի խոյ աղաղակ:
Տոգախին ցանախ լնխա ջիւն պե
Խոյիւ շնում է խեղղղաղ Դի փարախ:

Հիմա, Ասարում իմ, Տիճվաղ է այնպեղ,
Դիմա, պեր Ասարում, իս լիւ թաւհրապե,
Աղաղէ է հոգի, փողոց ու պարապե,
Աղաղին արմա շեր է քարշէ:

Հիմա էլ ջիւն այնպեղ պիտէլի,
Ոչ ցունն, ոչ լնիեր, ոչ էլ աղղախան.
Միւսն ժանգոպում հեպե է ջարդերի,
Խեղղղաղում Տարեր, ծերեր արնախաւ:

ու էկեղեցին թաւհրում ու աղղաւում
Վաղէ է դեմն շնան աղաղի.
էս փարապե էմ այս ցաւի աղաղ:
էս շրմախար եմ քարշէ կեղղաղի:

ԱՄՐԵ ԱՍԻՏ-ՏՈՒՆ

x
x x

Գե՛տ ուրա՛մ չէ՛ս հե՛ծայե՛լայ
Ա՛խրե՛ցանք չե՛տե՛մք:
Ուրա՛մ է՛ չէ՛ս շե՛ղայե՛լայ
Բո՛րք ու Բո՛րք ե՛տե՛մք:
Զե՛հուսե՛լք ա՛խր-ժե՛րք ա՛յ,
Ա՛շխե՛լ ու ա՛շխե՛լ:
Զէ՛ս հաճե՛լք, հաճե՛լք շե՛ղ,
Քե՛զիք ե՛տ-ե՛տ ժե՛րք:
Եւ ժե՛րք ու շե՛ղ զե՛տ ե՛տե՛մք,
Ա՛յո՛ւ թե՛րք զե՛տ ա՛յ
Զարժա՛նա՛նք է՛ ուրա՛մ
Եւ ետե՛մք զե՛տ:

Ключевые слова: *литературные связи, С.Капутикян, русские поэты, творческое сотрудничество, взаимные переводы и отклики, архивные материалы*

ՆԱՏԱԼԻԱ ԽԱՆՋՅԱՆ – Միլվա Կապուտիկյանի կապերը ռուս բանաստեղծների հետ (ըստ նրա գրադարանի և արխիվային նյութերի). – Միլվա Կապուտիկյանի ստեղծագործական ուղին ու ժառանգությունն ուսումնասիրելիս հատուկ ուշադրություն են գրավում նրա կապերը ռուս գրականության, մասնավորապես պոեզիայի դասականների ու ժամանակակիցների հետ:

Այդ կապերը շատ սերտ են եղել ու բազմազան դրսևորումներ են ունեցել՝ շփումներ, փոխադարձ թարգմանություններ, ստեղծագործական համագործակցություն, անձնական բարեկամություն և այլն: Սույն հոդվածը ներկայացնում է այդ կապերի պատկերը, առանձնացնում է դրանցից ամենազիջավորները, ամենաբեղմնավորները: Հոդվածի թեման հեղինակը լուսաբանում է բանաստեղծուհու տուն-թանգարանի գրադարանում, արխիվում և պահոցներում գտնվող նյութերի հիման վրա: Հրապարակվում են Միլվա Կապուտիկյանի ելույթների տեքստերը՝ նվիրված Լերմոնտովին, Ախմատովային, ինչպես նաև մի շարք արխիվային նյութեր, թարգմանություններ:

Բանալի բառեր – *գրական կապեր, Ս. Կապուտիկյան, ռուս բանաստեղծներ, ստեղծագործական համագործակցություն, փոխադարձ թարգմանություններ և անդրադարձներ, արխիվային նյութեր*

NATALYA KHANJYAN – *Silva Kaputikyan in Connections with Russian Poets (by Her Library and Archives).* –The connections of outstanding Armenian poetess Silva Kaputikyan with Russian literature, in particular with poetry, its classics and contemporaries, are a topic of special interest. These connections were close and they revealed differently: literary contacts, mutual translations, creative collaboration, close friendship etc. The article gives the picture of this connections, marks out among them most important and fruitful ones. The theme is presented by the author on the basis of his acquaintance with S.Kaputikyan's personal library and archives. Some new materials are publicated.

Key words: *literary connections, S. Kaputikyan, russian poets, creative collaboration, translations, archives, new materials*